

как «размер ценза настолько ничтожен, что, затрудняя избрание, не обеспечивает никакой даже и самой малой степени имущественной самостоятельности кандидата в судьи»⁵.

По большому счету кадеты конечно же признавали важность восстановления института мировых судей, что нашло свое подтверждение в докладе М.С. Аджемова на тему «Обычай и закон в связи с реформой местного суда», сделанном им на заседании юридического общества 27 марта 1910 г. Уничтожение волостного суда и введение мирового института представляется, по словам докладчика, «реформой огромной важности не только потому, что оно возвращает нас к тем идеалам, которые в 80-х годах прошлого столетия чуть не были сметены до основания, но и потому, что оно касается самых низов нашего общества. Вместо суда, судившего «по совести и обычаю», крестьянская Россия получает суд, обязанный судить по закону»⁶. Однако, по мнению «Речи», министерство прошло мимо самого важного основного вопроса, не задумалось над тем, какие последствия должно вызвать упразднение волостного суда с точки зрения подчинения крестьян действию общегражданских законов. И.В. Гессен в статье «Реформа местного суда» указывает на резкость перехода от нынешних порядков к проектируемому преобразованию. «Естественно возникает вопрос, — пишет он, — можно ли производить такой переворот в крестьянском правосознании, как отразится на укладе крестьянской жизни замена законом обычая и судейской совести?»⁷ В последующих номерах эта мысль получает дальнейшее развитие: «Мы вправе были надеяться услышать ответ, как, например, может быть применен к крестьянскому укладу институт родовых имуществ или порядок наследования и вообще какой смысл имеет распространять на крестьян действие десятого тома, в то время как уже выработано новое гражданское уложение»⁸. «Мы неоднократно настойчиво указывали, — пишет «Речь», — что без разрешения вопроса о пределах применения обычного права новым судом нельзя двинуться вперед. В этом же смысле состоялась единогласная резолюция съезда криминалистов, проходившего в январе 1909 года»⁹.

Кадетский орган помещает на своих страницах и мнение крестьян, которые сомневаются в преимуществах нового суда: «Но если вместо волостного суда, который, по их словам, давно стал им поперек горла, они получат единоличного судью, избираемого на основе высокого имущественного ценза, то такая перспектива представляется им настолько угрожающей, что они, по принципу — из двух зол выбирай меньшее, готовы ухватиться за ими же самими охаянный волостной суд. Ибо он в их глазах имеет хотя бы то преимущество, что они к нему привыкли, применились и знают наперед, на что они могут рассчитывать»¹⁰.

Демократизация и гуманизация судебной системы руками столыпинского министерства казалась кадетам невозможной. По поводу проекта об изменениях порядка дознания, следствия и суда по делам о государственных преступлениях «Речь» заявила: «Мы считаем

слухи о коренных реформах в области порядка преследования политических преступлений едва ли имеющими основание, и по поводу нового проекта невольно вспоминается уже внесенное в Думу законодательное предположение о неприкосновенности личности, которое в самом деле должно санкционировать полную ее прикосновенность»¹¹. По мнению кадетского рупора, «министерство стало на прежний путь частичных исправлений более или менее необходимых, но не способных ни на йоту улучшить общее безотрадное состояние правосудия»¹². К числу таких поправок «Речь» относит и проект введения состязательного начала в обряд предания суду. Законопроект вызвал оживленный обмен мнений в заседании фракции народной свободы под председательством П.Н. Милюкова. В прениях приняли участие В.А. Маклаков, М.С. Аджемов, П.В. Герасимов и др. Ораторы отмечали, что с принципиальной стороны проектируемое введение состязательного начала в обряд предания суду является весьма желательным и необходимым, но в министерском законопроекте существенным дефектом является предоставление прокурорскому надзору чрезмерно широких полномочий. «Речь» информировала читателей о том, что фракция решила принять законопроект, но при постатейном обсуждении внести ряд существенных поправок: «По проекту обвинительная камера факультативна, и обвиняемому предоставляется просить о допущении защиты в обряд предания суду. Поправка фракции сводится к обязательному сохранению обвинительной камеры с обязательным же применением состязательного начала при обряде предания суду»¹³. В то же время утверждалось: «Эта новелла кроме сокращения работы для членов палат ни к чему не приведет. Если принять во внимание, что предварительное следствие остается без всяких изменений, проект введения в нем защиты, который мог бы влиять на устранение его вопиющих недостатков, отвергнут, то есть полное основание опасаться, что упразднение контрольной инстанции в момент предания суду вызовет еще большую халатность и, вместо ожидаемого улучшения, приведет опять-таки к ухудшению положения»¹⁴. Таким образом, один из важнейших законопроектов, обеспечивающих защиту граждан на предварительном следствии, получил у кадетов название «отдельной маленькой заплатки», которая может только увеличить пестроту, а не произвести улучшения в юстиции.

Сообщая о том, что министр юстиции И.Г. Щегловитов взял обратно внесенный им в Государственную думу законопроект о введении защиты на предварительном следствии, так как судебная комиссия думы его отвергла, «Речь» дает следующее объяснение этому факту: «Как-никак проект имеет слабый либеральный запах, и г. Щегловитов просто обрадовался тому, что решение комиссии избавляет его от опасности быть заподозренным во внесении таких «либеральных» проектов, которые могут вызвать неудовольствие гг. Тимошкиных и тех депутатов, которые так рукоплескали г. Щегловитову, когда он говорил о засорении судов поляками и т.п. речи»¹⁵.